

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
3 (66)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 5 8

ИЗ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙШИХ ЕГИПТИЗМОВ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА¹

- I. Στήθος — „грудь“, στόμαχος — „горло“, στοναχή — „вздых“.
II. Νηγύατος — слово неизвестного значения.
III. Νήδυμος ὕπνος — „сладкий сон“ и ὄναρ — „сновидение“.

I

В заключительной части книги автора „Египетские заимствования в греческом языке“ (стр. 205) было указано, что из числа египетских заимствований в греческом языке „к врачеванию, как связанному в свое время с чародейством, вполне очевидно относятся слова φάρμακον (колдовское) «средство лечения, зелье» и ἄχος — «колдовство, излечение»; к врачеванию, как общему поводу для заимствования, могут примыкать обозначения частей тела: στήθος — «грудь»“.

В настоящей статье автор возвращается к обсуждению истории слова στήθος — „грудь“, усматривая в ней момент сходства, в отношении судьбы грамматического рода, со словом στόμαχος — „горло“, а в разнице судьбы слова στοναχή — „вздых“ по отношению к роду видит подтверждение того, и семантически очевидного, предположения, что египетский прецедент первой составной части этого слова не может не быть отличен от прецедента первой составной части слов στήθος и στόμαχος.

В литературе о египетской лексике, по-видимому, еще не было высказываний о том, что причинность грамматического рода лексически объединенного сочетания двух существительных не ограничивается исключительно только родом определяемого существительного, но — по крайней мере в особом случае — может корениться в грамматическом роде второй составной части сочетания, входившей в него на правах определения первой части и таким образом выполнявшей служебную роль. Необычностью этого принципа и вызванной ею на первых порах

¹ См. также работы автора: Египетские заимствования в греческом языке. М—Л., 1953, 208 стр. (В дальнейшем: Египетские заимствования); Семантический антропоморфизм в словарных египтизмах греческого языка. Палестинский сборник, вып. 2 (64—65), 1956, стр. 12—30.

моей неспособностью в прошлом к его признанию объясняется запоздалость появления здесь этимологии существительного *στόμαχος* в смысле объяснения, в принципе согласованного с этимологией слова *στῆθος* и читавшегося в первоначальном варианте моей выше названной работы о египетских заимствованиях в греческом языке под одним общим заглавием с этим словом. И сейчас я решаюсь на нижеследующее высказывание в порядке рабочей гипотезы. Однако решаюсь на это я потому, что считаю нежелательным оставлять далее необъединенными равноправные составные части одной общей мысли, тем более, что эта мысль получает со стороны коптской лексикографии яркое подтверждение, несомненно заслуживающее упоминания.

Предпосылкой возникновения форм, отраженных в греческих словах *στῆθος* и *στόμαχος*, было, я склонен думать, то, что первая лексическая составная часть соответствующих египетских словосочетаний годилась, в отношении второй их составной части, в соединения самого широкого подбора.

Если это можно считать правильным, то предположение, к которому я крайне неохотно прибегнул в книге „Египетские заимствования“ (стр. 72 сл.), относительно присуждения двуязычной среде окончания среднего рода *-ος* слова *στῆθος* под влиянием *ῆθος* второй составной части словосложения, восходящего **š·t ḥštj*, предпочтительно заменить следующим. Данное присуждение грамматического рода имело место не в двуязычной среде и не в отношении возникающего греческого слова *στῆθος* — „грудь“, под влиянием рода слова *ῆθος*, а уже на египетской языковой почве. Сочетание **š·t ḥštj* — „место (нахождения) сердца“, воспринимаемое как нечто лексически объединенное, как сложное слово, уже обладало лексической характеристикой, соизмеримой в отношении причины с характеристикой однословных представителей египетской категории мужского рода. Это значит, что характеристика, распространяясь на все сочетание **š·t ḥštj* как нечто целое, имела свою исходную точку в конечной, т. е. первоначально второй, составной части сочетания языка-прототипа. В процессе заимствования греками этого сочетания, воспринимавшегося в силу указанного объединения как слово мужского рода, данная лексическая характеристика могла быть по-гречески отражаема формой среднего рода как одним из способов реагирования на иноязычный мужской род, в отличие от женского рода, которого приходилось бы ожидать и в передаче, в том случае, если бы род равнялся по слову *š·t*, как составной части определительного словосочетания, распознававшейся в нем четко как определяемое. Иначе говоря, я предполагаю, что лексическая характеристика сочетания в целом могла в этом случае в действительности зависеть от лексической характеристики конца всего комплекса совершенно так же, как она от нее зависела, когда дело касалось слов, являвшихся и в прошлом лексически едиными.

Именно нормальность звукового соответствия нефлексивной части греческого слова στῆθος сочетанию $\acute{s} \cdot t \ h_3^t j$ должна и теперь послужить нам оперативной базой для полноты этимологического освоения слова στόμαχος, т. е. такого освоения, которое распространится и на проявленную в греческом окончании лексическую характеристику. Предпосылка надежды на успех в этом направлении заключается, я думаю, в том, что предположенный египетский прототип слова στῆθος состоит из сочетания слов неодинакового грамматического рода, т. е. в том, что в прототипе, кроме слова женского рода, содержалось, и притом на конце всего сочетания, также слово мужского рода. Выявить эту предпосылку как действительную не только в отношении слова στῆθος значит приблизиться к очевидности того, что фактором, обуславливающим грамматический род заимствования, в пределах атрибутивного словосочетания, могло явиться и определение в отличие от определяемого, как это было бы нормально. В этих целях я могу использовать еще только одну этимологию, которая прямо-таки напрашивается в смысле привлечения прототипа, содержащего в виде первой составной части то же слово $\acute{s} \cdot t$ — „место“, а в виде второй — слово, по-видимому, мужского рода.

Я имею в виду слово στόμαχος — „горло“. Мысль о нем была для автора уже в прошлом (когда писалась книга „Египетские заимствования“) настолько заманчива, что этимология слова στόμαχος, сходная с этимологией слова στῆθος, была включена в первоначальную рукопись названной книги о египетских заимствованиях, причем слова στῆθος, στόμαχος и ἦθος составляли, как отмечено выше (стр. 30), один общий заголовок. Слово στῆθος осталось включенным в работу только благодаря полноте благополучия звуковой стороны его объяснения, но в отношении рода пришлось прибегнуть к гипотезе. Слову στόμαχος после долгих колебаний было отказано в привлечении его тогда же, ввиду того, что с ним было связано добавочное затруднение, затрагивавшее, помимо лексической характеристики, также еще и звуковой состав второй половины слова.

Несмотря на то, что названное препятствие не устранено, я все же решаюсь сообщить свое объяснение на следующем двояком основании: 1) в отношении лексической характеристики слово στόμαχος вправе ждать для себя такой же разгадки, какая, очевидно, неизбежна для слова στῆθος; 2) что касается разгадки составных частей прототипа по существу, то я смею думать, что историко-звуковой момент не в силах опровергнуть то направление анализа греческого слова средствами египетской лексики, которое повелительно диктуется сопоставлением с коптским сочетанием $\text{MA } \text{POMK}$, читаемым в глоссе $\text{CATA } \text{POTN } \text{BPOC } \text{XOC}$ $\text{MA } \text{POMK}$ جلع. В ней лемма равняется греческому существительному καταπότης — „глотка“ < „проглатыватель“, читаемому в свою очередь в глоссе глоссы Гесихия

βρόγχος·ρόφημα·ὁ λάρυγξ·ὁ καταπότης.

βρόγχος: „глотание“, „горло“, „глотка“.

Арабское слово означает „глотка“.

Глоссема **мд** **п̄омк**, очевидно, обеими составными частями семантически соответствует частям сочетания *š·t ʿm(k).

Сравните также наше слово „горло“, как означавшее первоначально „инструмент глотания“ (*грл-λλο > *грл-λλο > горло, ср. др.-инд. girati — „глотает“ и лит. gerklė, gurkl̥ys — „горло“).

Историю начального звукосочетания ст- слова στόμαχος можно восстановить в том же смысле, как и историю тех же начальных звуков слова στῆθος — „грудь“. Зубной согласный окончания женского рода [·t] сохранялся только в условиях непосредственности следования за ним либо одной из фарингальных артикуляций [h] и [ε], либо гортанной [h] (ЕЗГЯ, стр. 160 сл.). Следовательно, наша задача будет решена такой этимологией, которая одновременно даст почву как для предположения о том, что зубной [t] греческого слова восходит к придыхательному зубному [th], так и для предположения, что аспирация, содержащаяся в [th], была устранена по комбинаторной причине, т. е. вследствие диссимиляторного действия придыхания в остальном составе слова. Преемственное уравнение στῆθος < *š·t h̥stj подлежит признанию не в том смысле, что аспирация на греческой почве переменяла свое место, а в том смысле, что форме στῆθος, хотя бы кратковременно, предшествовал звуковой состав *σθῆθος и оба придыхательных зубных подошли под греческий закон регрессивной диссимиляции придыханий.

Какое соотношение существует между словом στόμαχος — „горло“ и словом στόμα — „уста, зев“, мне неясно, но я не вижу того соображения, в силу которого приходилось бы считать слово στόμα словообразовательным предшественником слова στόμαχος. Если египтологический анализ слова στόμαχος дает в отношении значения удовлетворительный результат, а в отношении истории звуков не может быть далеким от истины по свидетельству глоссы, воспроизводящей сходный состав, то, с другой стороны, относительно слова στόμα надо признать, что оно не поддается сходному анализу и что мы либо должны отказаться от предположения подобных составных частей, либо решиться рассматривать слово στόμα как обратное образование от στόμαχος. В первом случае мы должны признать относительно сочетания *š·t wpm, что нам неизвестны параллели, подтверждающие, что сохранение [·t] может быть приписано контакту со следующим [w]. Во втором случае способ возникновения слова στόμα нуждается в параллелях, но составляет предмет такого особого вопроса, который никак не задевает правомочности объяснения образования στόμαχος средствами египетской лексики.

Оба мои предположения, так же как и их комбинация, находят свое подтверждение в том, что по-коптски, как уже сказано, лексикографически засвидетельствовано сочетание **мд** **п̄омк** — „место глотания“

в значении „горло“. Это сочетание по существу нашей исследовательской цели не менее ценно для нас, чем тот случай, в котором мы имели бы доподлинное историко-звуковое воспроизведение коптами того египетского словосочетания, которое мы восстановили в виде *š·t ʿm(k). Ведь в сочетании ма Ꞗω̄мк — „горло“, „орган глотания“ < „место глотания“ мы имеем коптскую замену, на подобие ма ꞖꞖ ми — „место (> орган) испражнения“, всех трех элементов, входивших в состав восстановленного мной египетского сочетания *š·t ʿm как протобраза слова στόμαχος:

1) слово š·t — „место“ заменено его коптским эквивалентом ма — „место“;

2) слово ʿm — „глотать“ не заменено предшественником его коптского эквивалента ω̄мк — „глотать“ только потому, что оно уже совпадало с ним;

3) синтаксическое взаимоотношение между словом š·t как определяемым и словом ʿm как определением передано коптским показателем атрибутивности Ꞗ.

Слово στομαχή — „вдох“, очевидно, казалось состоящим с глаголом στεναχίζω, στενάχω и другими явно родственными словами в соотношении аблаута, но это соотношение я считаю продуктом аналогии от других случаев чередования гласных [e] и [o]. Этот случай аналогии имел, я думаю, самый ближайший прототип в образованиях στένω — „стенать“ и στόνος — „стенание“. Но подлинный источник образования στομαχή я усматриваю в египетском словосочетании štj — „бросать, выбрасывать“ и ʿnh. Последнему общепринято приписывать только значение „жить“ и „жизнь“. Но спрашивается, можно ли довольствоваться этим значением, когда речь идет об образовании anh·te:w — „испускать дух“? Ведь хотя ʿte:w ʿn o:nh означает „дыхание жизни“, сочетание anh·te:w — „испускать дух“ основано на значении „выдыхать ветер (= вдох)“. Соответственно: στομαχή — „выбрасывание вдоха“ = „выдыхание“. Вдыхание и выбрасывание вдоха — два смежных проявления того, что разумеем под вздохом. Слову „вздохать“ точно отвечает греческий глагол ἀναστενάζω, сложный с приставкой ἀνα- — „вз- = „вверх“. Поэтическое выражение того, что со вздохом сопряжен выдох, имеем в следующем стихе современной песни:

ἀναστενάζω, βγαίν' ἄχνος, μαυρίζει μου τὰ ρούχα.

Я вздыхаю, выходит дым, чернит мое платье.

II

Слово *νηγάτεος* встречается у Гомера только дважды. Илиада, 2,43 (речь идет об Агамемноне):

ἔγρετο δ' ἐξ ὕπνου, θείῃ δέ μιν ἀμφέχουτ' ὀμφή.
ἔξετο δ' ὀρθωθείς, μαλακὸν δ' ἔνδυε χιτῶνα
καλὸν νηγάτεον, περὶ δὲ μέγα βάλλετο φᾶρος.

Сон отлетел. Но еще разливался божественный голос
В воздухе. Сел Агамемнон и в мягкий хитон облачился,
Новый, прекрасный, и поверху плащ свой широкий набросил.

(Перевод В. В. Вересаева).

Илиада, 14, 185 (речь идет о Гере):

κρηδόμενῳ δ' ἐφόπερθε καλύψατο διὰ θεᾶων
καλῶ νηγατέῳ* λαμπρὸν δ' ἦν ἥελιός ὤς.

Сверху богиня богинь покрывалом прекрасным оделась,
Только что сотканным, легким; бело оно было, как солнце.

(Перевод В. В. Вересаева).

Обнаружение этимологии уже оказывало нам помощь в определении значения гомеровского слова из числа тех, толкование которых является недостоверным или нечетким или тем и другим. Ср. в работе „Египетские заимствования“ стр. 51: *μέρμις* — *„пояс“ и стр. 38 сл.: *ἰφθίμη* (хвалебный эпитет женщин). К числу слов, нечеткость знания которых приводила к недостоверности их толкования, присоединяется теперь прилагательное *νηγάτεος*.

Об этом красноречиво свидетельствует разнообразие значений, сообщаемых в схолиях.

Схолии (G. Dindorf. Scholia Graeca in Homeri Iliadem, t. 1, стр. 73): *Σχόλια παλαιά: νηγάτεον*] *ἢ ἀγέννητον, ἢ λεπτόν, ἢ τὸ νεωστὶ γεγονός, νεογάτεόν τε ὄν. ἢ ὡσπερ παρὰ τὸ τείνω τατός, οὕτως γείνομαι, γατός, νεήγατος, καὶ ὑπερθέσει τοῦ Ἐ νηγάτεος* — „или нерожденное, или тонкое, или недавно возникшее, являющееся *νεογάτεον* [это воображаемая форма, заменяющая поясняемую в целях самого пояснения и отличающаяся от нее только тем, что слог *νη-* заменен *νεо-*]. Или совсем подобно тому, как от *τείνω* → *τατός*, так *γείνομαι* → *γατός, νεήγατος*, и, с перестановкой *Ἐ* → *νηγάτεος*“.

Там же, t. 2, Venetus A, стр. 309: *νηγάτεον*] *νεωστὶ κατεσκευασμένον* — „недавно устроенное“.

Лексикографы XIX в. дают только догадки, притом не выдерживающие языковедческой критики. Их толкования согласны с уже древним толкованием *νεωστὶ γεγόμενος* — „недавно возникший“: С. Capelle: „eigtl.

neu od. eben geworden, neu gemacht, neu verfertigt“;¹ Pape: „neu geworden, neu gemacht“.²

Автор этимологического словаря, Буазак,³ предлагает, под вопросом, значение „beau“, забывая, что в обоих местах, где слово встречается, ему предшествует слово *καλός* — „прекрасный“.

Перевод В. В. Вересаева обусловлен зависимостью от словарей; его передача гласит: „новый“ и „только что сотканный“.

С первого же взгляда ясно, что понимание нашего слова зависит от двух моментов: 1) оно является производным от существительного и 2) существительное, от которого оно производно, нам неизвестно. Суффикс нашего слова *-άτεος* известен также из других слов. Из этого следует, что существительное, от которого настоящее прилагательное образовано, когда-то существовало в греческом языке. Его форма нам неизвестна. Ясно только, что в его состав входили звуки *νηη-*. За этими звуками могло следовать окончание, начинавшееся, вероятно, с гласного. Из того, что звуки *νηη-* отражали бы заимствование какого-то существительного, еще не следует, что все они входили в состав данного существительного. Относительно начального [п] мыслимо, что он отражал либо египетский артикль (на этот раз артикль множественного числа), либо египетский показатель атрибутивности предшествующего слова — показатель, который также звучал [п], либо, наконец, еще мыслимо, что [п] воспроизвело сросшийся с существительным предлог. Убедительной представляется в нашем случае вторая из названных возможностей.

То не засвидетельствованное в греческих текстах существительное, которое легло, в конечном итоге, в основу прилагательного *νηηάτεος*, я предлагаю отождествлять с египетским существительным *ḥt kꜣ* — „чеснок“, из которого возникло коптское существительное *ⲛⲥⲓ* (B), *ⲛⲥⲉ* (S) — „чеснок“. Передача египетского [k] греческим [g] известна нам уже из *Αἴγυπτος* < *ḥt kꜣ pth*. Начальный [п] греческого слова я отождествляю с тем [п], который по-египетски отмечал атрибутивность как таковую. Но не совсем уверен я в том, что начальный [п] был присужден существительному только передаточной средой в процессе заимствования. Если в коптской письменности обозначение садовника, культивировавшего чеснок, читается в виде написания *ⲥⲁⲛⲛⲓⲛⲥⲉ*,⁴ хотя наши словари формы **ⲛⲥⲉ* не знают, то это уже означает, что

¹ C. Capelle. Vollständiges Wörterbuch über die Gedichte des Homeros und der Homeriden. 9-te Aufl., Leipzig, 1889.

² W. Pape, M. Senebusch. Handwörterbuch der griechischen Sprache, Bd. 2. Ausg., Braunschweig, 1888.

³ E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris—Heidelberg, 1907. (Есть перепечатка).

⁴ Ср.: O. Lamm. Kleine koptische Studien, 32 [1904]: Lauchgärtner, Lauchhändler, со ссылкой на Крама: W. E. Crum. Ostraca, Ad. 49.

по крайней мере в коптское время четкой границы между формой *нсе* и **инсе* не было. Слово, обозначавшее соответствующую окраску с помощью суффикса *-άτεος*, не содержало во всяком случае такого начального [п], который не воспринимался бы как составная часть самого имени. Иначе функция суффикса *-άτεος* была бы дублирована.

Поскольку справедливость этого сопоставления зависит от данных в пользу или против отождествления звуков *-άτεος* с иноязычным элементом, лексическим или словообразовательным, следует отметить, что зубной согласный этого элемента не может в свою очередь входить в состав какого-либо египетского слова, ибо египетский зубной, глухой или звонкий, давал по-гречески аспированный зубной, если не имелось основания для диссимиляции (ср.: Египетские заимствования, стр. 171—173).

Когда греки, в позднейшее время, создали свое собственное обозначение зеленого цвета, то они это сделали при помощи прилагательного, образованного от существительного со значением „чеснок“. Сравните новогреческое прилагательное *πράσινος* — „зеленый“, образованное от существительного *πράσον* — „чеснок“. Оно засвидетельствовано уже у Аристотеля. Я полагаю, что в принципе то же самое произошло в древнейшем греческом языке: *νηγάτεος* у Гомера обозначало зеленый цвет, имея в прошлом значение „чесночный“.

III

Νήδυμος ὕπνος — „сладкий сон“

Старый вопрос, является ли истинной формой слова форма *νήδυμος* или же форма *ἦδυμος*, разрешается Ф. Буттманном¹ в том смысле, что такой истинной формой слова следует считать форму *ἦδυμος*. Соображения, с которыми оперирует названный ученый, касаются предания и стихосложения применительно к началу слова как — в том или ином смысле — консонантическому. Но в рассуждениях Буттманна полностью обойден вопрос словообразования: он исходит попросту из предположения, что применительно к одному и тому же корню *ἦδυ-* оба образования, т. е. *ἦδυμος* и *ἦδός*, равноценны. П. Шантрэн (P. Chantraine) в своей „Grammaire Homérique“ (Paris, 1942, стр. 14) считает, одинаково с Буттманном, написание *νήδυμος* ошибочным. Его же мнения придерживались и те филологи, которые высказывались по этому вопросу после него.²

Несомненно, что фактической основой такого разрешения вопроса является то положение, что на горизонте эллинистов не существует

¹ F. Buttman n. *Lexilogus, oder Beiträge zur griechischen Worterklärung, hauptsächlich für Homer und Hesiod*, Bd. 2. Berlin, 1825, стр. 179 сл.

² N. Wecklein. *Über Missverständnisse älterer Wendungen und Ausdrücke bei den griechischen Dichtern, insbesondere bei den Tragikern*. Sitzungsberichte d. Bayer. Akad. d. Wiss., Philos.-philol. u. hist. Klasse, Jg. 1911, 3. Abh., München, 1911, стр. 44; Fr. Bechtel. *Lexilogus zu Homer. Etymologie u. Stammbildung homerischer Wörter*. Halle, 1914, стр. 150 сл.

другой возможности установления этимологической связи, чем сближение со словом ἡδύς. Связь между ним и словом ἡδυμός казалась настолько очевидной, что даже не возникал вопрос, не предъявляет ли суффикс -μός какие-то особые требования со стороны семантики.

Теперь, после выяснения заметной степени участия египетской лексики в словаре гомеровских поэм,¹ вопрос должен быть поставлен иначе, а именно: не найдем ли мы для слова ἡδυμός объяснение в египетском источнике.

Ответ на этот вопрос представляется положительным, хотя и непростым. Да, египетский источник, по-видимому, открывает такую возможность. Но при этой возможности направление разгадки звукового развития слова не может быть вполне определенным по той причине, что написанию буквы η в слове ἡδυμός не принадлежит определенная историко-звуковая значимость. Ведь в эпосе, где это слово читается, данному звуку [ε:] может быть присуждено двоякое прошлое: звук, передаваемый написанием η, может воспроизводить исконный долгий [ε:], но может быть и ионийским отражением более древнего гласного [a:]. От такой неопределенности генезиса [ε:] мы освободились бы при условии:

1) либо появления данного слова в тех ионийских островных источниках, которые различают графически, в несомненном соответствии с произношением, исконный греческий гласный [ε:] от гласного [ε:], возникшего из [a:];²

2) либо появления в достаточно древних памятниках³ ахейского, эолийского или дорийских диалектов написания данного слова с одним из двух гласных [ε:] или [a:].

А пока или поскольку мы не имеем основания предпочесть либо ту, либо другую возможность, нам приходится считаться как с той, так и с другой:

1) имея в виду тот вариант, что [ε:] в качестве ионийского восходит к [a:], можно считать, что гласный ε: < а: происходит в данном слове от прилагательного ἡδύς — „сладкий“; тогда другим ингредиентом контаминации явилось бы греческое прилагательное, восходящее к прилагательному, содержащему согласные n-d-m; этим и объяснялся бы состав согласных слова ἡδυμός; таким египетским прилагательным было то, которое по-коптски дало **ноуттм** — „сладкий“ (ср. гомеровское сочетание ἡδυμός ἕπνος = γλυκὺς ἕπνος).

2) имея в виду, что гласный [η] воспроизводил старый [ε:], мы не могли бы лексически подтвердить эту историко-звуковую возможность.

¹ См. прим. 1 на стр. 29.

² А. Thumb. Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg, 1909, стр. 347.

³ Под достаточно древними памятниками я понимаю такие, к которым неприменима мысль об искусственной архаизации.

Соответственно, мы склонны признать правильным приведенный выше первый вариант.

ὄναρ — „сновидение“

„Этимологическая игра уже принадлежала к технике гомеровских поэтов, и не одно новое слово возникло из нее. Самым блестящим, пожалуй, примером является ὄπαρ — «явь»“.

Одиссея, 19,547:

θάρασει, Ἰκαρίου κόρη τηλεκλειτοῦ.
οὐκ ὄναρ, ἀλλ' ὄπαρ ἐσθλόν, ὃ τοι τετελεσμένον ἔσται.

Старца Икария умная дочь, не крушись, Пенелопа.
Видишь не сон мимолетный, событие верное видишь,

(Перевод В. А. Жуковского).

Одиссея, 20,90:

τῆδε γὰρ αὖ μοι νυκτὶ παρέδραθεν εἵκελος αὐτῶ
τοῖος ἐὼν οἷος ἦεν ἅμα στρατῶ, αὐτὰρ ἐμὸν κῆρ
χαῖρ', ἐπεὶ οὐκ ἐφάμην ὄναρ ἐμμεναι, ἀλλ' ὄπαρ ἤδη.

В эту ночь спал некто, подобный ему, рядом со мной, будучи таким, каким был он, когда отправлялся в поход. А мое сердце радовалось, так как я считала, что это — не сон, а уже явь.

(Перевод автора).

„Это — образование по противоположности к слову ὄναρ, получившееся в эолийской героической поэме на основе того факта, что поэт распознавал в слове ὄναρ эолийский предлог ὄν (ἀνά) (Ed. Hermann. Gött. Nachr., 1918, стр. 285. Все позднейшее употребление слова ὄπαρ восходит, согласно сказанному, к этому одному месту Одиссеи)“.¹

Так уже смотрели на слова ὄπαρ и ὄναρ П. Шантрэн (P. Chantraine, ук. соч., стр. 212): „...ὄναρ, sur quoi on a créé ὄπαρ de ὄπό, ὄναρ ayant été rapproché de la forme éolienne de ἀνά“ [со ссылкой, также на Э. Германа (Ed. Hermann)].

Поскольку противоположность ὄν- и ὄπ(ό) не могла возникнуть на ионийской почве, где первое звучало ἀνα-, приходится считать, что проявляющееся в творчестве слова ὄπαρ восприятие слова ὄναρ основано на такой народной этимологии, которая могла осуществиться только на эолийской диалектической почве, а за пределы эпического творчества проникнуть только благодаря той роли, которую в образовании греков играл Гомер.

При этом следует, разумеется, учитывать, что поэзия была теснее связана с гомеровским творчеством, чем проза. Отсюда:

Пиндар, Пиф., 8,95: σκιᾶς ὄναρ ἄνθρωπος — „человек — сновидение тени“.

¹ Manu. Leumann. Homerische Wörter. Schweizerische Beiträge zur Altertumswissenschaft, Heft 3, Basel, 1950, стр. 126.

Пиндар, Ол., 13,67: ἐξ ὄνειρου αὐτίκα ἦν ὕπαρ — „за сновидением немедленно следовала явь“.

Платон, Гос., 278e: ...ἵνα ὕπαρ ἀντ' ὄνειρατος γίγνηται — „... чтобы стало явью вместо сновидения“.

Доискиваясь подлинного источника слова ὄναρ, мы должны сказать, что происхождение именного образования на -αρ от предлога или наречия, лежащего в основе предлога, являлось бы беспримерным. На основании совокупности данных, касающихся образований на -αρ, приходится предполагать, что в основе части слова, остающейся за вычетом звуков [-ar], как отождествимых с суффиксом -αρ, лежит глагол или имя, в свою очередь отглагольное. Оправдать это предположение возможно только путем семантически убедительного указания на иноязычный образец слова ὄναρ.

Оговариваю, что я пока оставляю в стороне словообразовательные варианты слова ὄναρ ввиду того, что суффикс -αρ формы ὄναρ, несомненно, более древен, чем то, что послужило образованию форм ὄνειρος и ὄνειρατος. Вероятно, в судьбе этих форм замешано слово *ὄνειαρ, ὄνειατος и притом в качестве прототипа.

Слово ὄναρ — „сновидение“ я предлагаю объяснять как египетское заимствование. Соответственным египетским словом считаю тот глагол, демотическое написание которого отражено в коптском словаре Шпигельберга в транскрипции jп в качестве прецедента коптского глагола **enē** (саидский и ахмимский диалекты) и **ini** (бохайрский и файюмский диалекты). Мы знаем ряд примеров того, что в основу заимствований отглагольного свойства кладется инфинитив египетских глаголов. На этот раз использовать в таком смысле инфинитив не удастся, так как его звуковой состав существенно отличен. В отношении звукового состава для целей объяснения нашего греческого слова годится древний предшественник коптского квалитатива, который представлен по крайней мере в одном коптском диалекте, а именно в бохайрском, и звучит 'onī (**oni**). Эта форма является цельным сказуемым, означая „подобен, подобна, подобно, подобны“ при любом подлежащем, именном, лично-местоименном или определительно-местоименном [et-].

Мы полагаем, что докоптская форма 'one или 'onī в использовании ее греческим языком дала существительное со значением „образ, воспроизводящий данный предмет на основе подлинного сходства с ним“, точнее говоря, существительное, обозначающее „сонное видение“ или „сон“, на основе сходства сонных видений с имеемыми в виду предметами действительности или яви.

Это возведение греческого существительного к форме квалитатива (или к его псевдопартиципальной предшественнице) требует оговорки. В качестве отражения в заимствующем, греческом, языке глагола мы ожидаем греческого глагола же. Но греческого глагола, который был бы образован от корневого элемента, представленного в существительном ὄναρ,

мы из греческого языка не знаем. Составляет ли это нарушение соответствия частей речи нечто в свою очередь закономерное или же здесь предполагается греческий глагол, утраченный после недолгого существования, определенного ответа на это дать не берусь; напомним только, что в книге „Египетские заимствования“ (стр. 132 сл.) мы уже столкнулись с таким вопросом и предположили, что в заимствовавшем языке недостающее звено могло быть и не представлено: греческие имена $\mu\epsilon\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ — „полный“ и $\mu\acute{\epsilon}\sigma\mu\alpha$ — „наполнение“ мы возвели к египетскому сопряженному инфинитиву $m\epsilon\bar{h}$ глагола $m\bar{h}$ — „наполнять“. Этот случай представляется сходным с нашим. Как тут, так и там египетскому глаголу противостоят греческие отглагольные имена. Я позволяю себе это констатировать, не делая принципиального вывода, хотя и склонен верить в гибридность, утверждавшуюся уже в указанной выше книге.

Сочетаемость воспроизведения в сновидениях предметов яви с тем фактом, что звуки [on-] египетского заимствования $\delta\nu\text{-}\alpha\rho$ напоминали греческий предлог $\delta\nu = \acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}$, вызвало к существованию своеобразное новое слово в силу ассоциации по противоположности. В отношении этого нового слова была предreshена семантическая контрастность его к $\delta\nu\text{-}\alpha\rho$ в двойном смысле: ему надлежало быть построенным на предлоге $\acute{\upsilon}\pi\acute{o}$ как контрастном с $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha} = \delta\nu$, а в целом оно, в согласии с контрастностью данной знаменательной доли составов, должно было выражать понятие, контрастное по отношению к $\delta\nu\text{-}\alpha\rho$ — „сон“, т. е. $\acute{\upsilon}\pi\text{-}\alpha\rho$ — „явь“. Это словотворчество осуществлялось, таким образом, в рамках формально-грамматического параллелизма (суффикс $\text{-}\alpha\rho$), с одной стороны, и знаменательно-семантической контрастности ($\delta\nu\text{-} \sim \acute{\upsilon}\pi\text{-}$), с другой стороны. Правда, эта знаменательная семантика, названная здесь таковой по ее соотношению с семантикой суффикса, отличается реальностью только в плане вторично-осмыслительном, при полном игнорировании мыслившейся греками соотносительной локализации „сновидений“ и „яви“. Из заключительной части Одиссеи (24,12) мы знаем, что $\delta\eta\mu\acute{o}\varsigma \delta\nu\epsilon\acute{\iota}\rho\omega\nu$ — „народ снов“ приурочивался к соседству подземного царства. Возникновение слова $\acute{\upsilon}\pi\alpha\rho$ как семантически контрастного по отношению к $\delta\nu\alpha\rho$ свидетельствует о том, что вторично-осмыслительная языковая его обработка, отвечающая ассоциации слова с эолийским предлогом $\delta\nu\text{-}$, $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}$, возникла независимо от того, что мифологическое приурочение понятия $\delta\nu\text{-}\alpha\rho$ — „сон“ сближало это понятие с $\delta\eta\mu\acute{o}\varsigma \delta\nu\epsilon\acute{\iota}\rho\omega\nu$, как соседствовавшим с подземным миром.

В этой судьбе слова сказывается то свойство так называемой „народной этимологии“, которое выражается в полной ее неувязанности с фактами подлинной семантики слова, т. е. фактами, которые обуславливались представлениями о природе вещей, обозначаемых данными словами.